

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 24

Смоленск
Издательство СмолГУ
2024

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

Публикуется по решению редакционно-издательского совета Смоленского государственного университета

Ответственные редакторы и авторы предисловия О.А. Новикова, М.А. Короткова

Рецензенты

доктор филологических наук А.В. Радионова
кандидат филологических наук Д.В. Бутеев

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 24 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. Смоленск: СмолГУ, 2024. 1 электрон. опт. диск. Текст: электронный.
Р 89

ISBN 978-5-88018-739-3

В сборнике представлены традиционные разделы, посвященные исследованиям русской литературы – поэзии и прозы XIX–XXI веков, теории текста, литературы Смоленской земли, русско-зарубежным литературным связям.

Сборник включен в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN 978-5-88018-739-3

© Авторы, 2024
© Издательство СмолГУ, 2024

4. Большой энциклопедический словарь в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1991.
5. Гусарова Ю.Д. Язык образов научной прозы В.С. Баевского: «История русской литературы XX века» // Смоленский филологический сборник. Вып. XV. Ч. I. Труды молодых ученых / ред. Л.Г. Каяниди. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. С. 84–92.
6. Иванова Н.Б. Просвет в беспредельной покинутости... // Знамя. 2016. № 2.
7. Куликова И.С., Салмина Д.В. Образность в филологическом тексте. М.: ФЛИНТА, 2022. 344 с.
8. Математическая энциклопедия / гл. ред. И.М. Виноградов. М.: Советская энциклопедия. т. 4. Ок – Сло. 1984. 1216 стб., ил.
9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков. В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 848 с.
10. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. III: Проза / сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 632 с.
11. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

J.D. Gusarova
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

The Language of Images of Scientific Prose by V.S. Bayevsky

Keywords: *V.S. Bayevsky; A.S. Pushkin; B.L. Pasternak; scientific prose; trope; figurative paradigm; the basis of comparison; metaphor.*

The study is devoted to the consideration of imagery in the scientific discourse of the founder of the Smolensk Philological School, scholar of philology, poet Vadim Solomonovich Bayevsky (1929-2013). The monograph "The Pushkin-Pasternak cultural paradigm", published in Moscow in 2011, became the material for the analysis. The two-part composition of the work predetermined the structure of this work: the tropes from the part dedicated to A.S. Pushkin and the part dedicated to B.L. Pasternak were analyzed. In total, 132 examples of using trails were selected using a continuous sampling method. To analyze the selected tropes, a semantic classification was compiled, which made it possible to identify semantic groups numerically superior to the rest. In the Pushkin part, the most numerous groups were the Art and Being groups, and in the Pasternak part, the Art group took the leading position.

О.А. Смагина (Ходжаева)
Кастельфьорентино, Италия

Воспоминания о Вадиме Соломоновиче Баевском

О Вадиме Соломоновиче я услышала сразу же, как только поступила на первый курс филфака, правда, личное знакомство состоялось позднее – когда он начал читать у нас лекции по русской литературе XIX века. Лекции эти были интереснейшими и, я бы сказала, идеальными, только потом я узнала,

что Вадим Соломонович всегда выставлял себе за лекцию оценку, когда шел домой, анализировал, что получилось, что нет. Я очень боялась экзамена, потому что хотелось соответствовать. Мне досталась, кажется, поздняя лирика Пушкина, я была этому очень рада, потому что хорошо знала и любила ответ, и поэтому начала слишком издалека, чтобы выложить все мои знания о Пушкине, как можно больше, но Вадим Соломонович остановил меня, определил мне точку отсчета, и дальше все пошло хорошо. Далее наше знакомство стало более тесным благодаря участию в спецкурсе, а потом и спецсеминаре по Серебряному веку. Это было необыкновенно интересно, затаив дыхание, мы слушали про символистов, акмеистов, футуристов, очень ответственно было писать доклад. Я выбрала Гумилева, «Огненный столп», и с того самого студенческого доклада началась моя кандидатская диссертация. Вадим Соломонович хвалил, до сих пор помню надпись на моей тогда еще рукописной курсовой: «Превосходный труд». Как мне это было дорого. Правда, и ругал, но всегда за дело. Помню, как-то раз я решила состряпать статейку, но разговор по поводу этой стряпни в знаменитой комнате-библиотеке его квартиры навсегда отбил у меня охоту к безответственным научным высказываниям. Вадим Соломонович подарил не только счастье научных открытий, например, одним из высших, счастливейших моментов жизни был момент, когда я поняла, как устроена книга «Огненный столп», когда авторский замысел и расчет встал передо мной, как будто Гумилев мне сам об этом рассказывал, но и научные конференции, разговоры, встречи с такими людьми, познакомиться с которыми можно было только мечтать. Он подарил счастье встречи с Лотманом, Гаспаровым, Егоровым и со многими, многими другими. Благодаря ему я получила письмо от бесконечно уважаемого Михаила Леоновича, которое начиналось так: «Дорогая коллега». Осознавать себя коллегой, соратником, хотя бы в какой-то очень маленькой мере, таких людей было величайшей наградой за мои скромные труды.

С ним не было легко, он мог быть резким, поэтому я долго собиралась с духом прежде, чем позвонить ему, а прийти к нему домой для обсуждения, например, диссертации часа на два было вообще мероприятием, требующем значительной моральной подготовки.

Вместе с тем сохранились в памяти эпизоды, когда он бывал добрым и даже нежным. Все из ближайшего окружения знают, что, когда человек ему нравился, он мог погладить по лицу, несколько раз эта ласка доставалась и мне, так же, как и другие галантные жесты – подать пальто, поцеловать руку, это было совершенно непривычно и чудесно. Помню одну из наших последних встреч на научной конференции, посвященной войне 1812 года в литературе, когда он достаточно резко высказался в адрес Всеволода Иванова, о двух рассказах которого у меня был доклад, что они написаны в верноподданическом духе. Я подошла к нему потом на кафедре, чтобы объяснить, что я совершенно искренне заинтересовалась этими рассказами. А он посмотрел на меня, погладил по щеке и сказал, что нисколько в этом не сомневался. Доклад был по образам Всеволода Иванова и, когда я сказала, еще в зале заседаний, что просмотрела все образы этого писателя, приведенные в словаре Павлович,

на лице его появилось выражение что-то вроде: «Кто бы сомневался». Это было то, чему он нас учил. Понятное дело, что получить от него похвалу, было невероятным стимулом и признанием. Помню, когда я выступала на конференции с докладом об образах «Жития протопопа Аввакума», которые я исследовала по методике Павлович, он с оттенком изумления (положительного) сказал: «Но как Вам это вообще пришло в голову!»

Лет через десять после защиты кандидатской диссертации я решила писать докторскую и поступила в докторантуру, которая была платной, и Вадим Соломонович предложил мне деньги, если у меня их нет, чтобы заплатить за обучение. Я была поражена этим его предложением. К сожалению, обстоятельства сложились так, что диссертация эта не была написана.

Когда я уже жила за границей, бывая наездами в России, заходила к нему. В последний раз мы пришли с мужем-итальянцем, он был рад, говорили о нашей жизни в Италии, о портрете Эды Моисеевны в гостиной, о ней. Сложно передать чувства от того визита, было грустно, потому что я понимала, что это одна из наших последних встреч, может быть, последняя, как и оказалось.

Память фрагментарна, поэтому сохраняет какие-то разрозненные эпизоды, россыпи. Вот я стою под его балконом и жду моего мужа и подружку Наташку, которая жила в одном с ним доме, чтобы идти праздновать день рождения. Идет Вадим Соломонович, видит меня, здоровается, я говорю, что у меня сегодня день рождения, он спрашивает, сколько мне. Я говорю: «23». Он говорит: «Прекрасный возраст». Вот мы все, аспиранты, приходим к нему домой, обманув его, вернее, заслав Олега Тостоуса с просьбой о научной консультации. И тут он видит нас всех, улыбается, мы дарим ему по моему предложению роман «Мешуга» Башевиса-Зингера, потом мы долго сидим в гостиной и пьем кофейный ликер. Потом он, правда, сказал мне, когда мы как-то шли с ним домой, что почти не читает художественной литературы, если, конечно, речь не идет о «Братьях Карамазовых» и «Анне Карениной», которые он перечитывал каждый год, предпочитая потратить малое отпущенное время на «Критику чистого разума», например, и на научные книги, конечно. Иногда он удивлял меня своими оценками. Например, когда я спросила у него, каково его главное впечатление от Америки, он сказал, что это пятиполосная автомобильная трасса, по которой они ехали из аэропорта.

Вадим Соломонович совершал такие вещи, которые были не подвластны моему пониманию. Невероятным казался рассказ о том, что он в свой личный отпуск ездил в Москву и весь его тратил на то, чтобы изучить 6 томов Пирса, причем на английском языке. Или о том, что он посреди Парижа сидел днями в Тургеневской библиотеке. Мне с моим характером это было бы совершенно не под силу. А он был упорен и по-хорошему упрям, о чем говорит не только его научный путь, но и биография. Огромное впечатление произвели на меня его художественные книги – повесть «Счастье» и «Роман одной жизни», впечатление от последнего было настолько сильным, что я читала эту книгу, не отрываясь, до четырех часов утра и потом еле дождалась приемлемого времени, чтобы позвонить ему и рассказать о моем впечатлении от книги.

Он был рад это услышать, потому что, мне кажется, как и многие ученые, едва ли не более ценил свое художественное творчество, чем научное.

Передо мной на письменном столе лежит его книга «Тридцать лекций о золотом веке русской литературы 1800-1855», подписанная им, которую я взяла с собой в Италию. Надпись такая: «Дорогая Оля! Желаю Вам большого счастья в области литературоведения и вне его. Всегда Ваш В. Баевский. 16 ноября 2010» Он всегда желал счастья, потому что знал в нем толк, не случайно одна из его книг так называется. И я рада за него, что он прожил трудную, но счастливую, необыкновенно полную жизнь – полную любви, дружбы, науки, встреч, открытий. И рада за нас, что мы знали его, прошли хотя бы по краешку его жизни.

О.Ф. Ладохина

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия*

Напутствие филолога из Смоленска

*Есть нить судьбы, есть связь, я чаю,
И наш ещё не пробил час.
В.С. Баевский*

Смоленск для меня на всю жизнь – город Вадима Соломоновича Баевского, его глазами я смотрела на башни Крепостной стены, на усадьбу Тенишевых, куда он отправил меня в первый приезд, на произведения искусства в картинной галерее. Мы очень много говорили о доме М. Волошину в Крыму, и в этом находила точки соприкосновения, для меня такие пространства несут не только энергетику, но и информацию.

Когда разговор заходил о Москве, то Вадим Соломонович вспоминал о своем первом приезде в дачный поселок Переделкино к дому Пастернака. Мне тоже всегда важно пройти путь поэта, особенно такого, как Борис Леонидович. Как говорил Вадим Соломонович, он был «самым образованным среди поэтов своего времени». Всегда задерживаюсь в столовой переделкинского дома, здесь Пастернак принимал Баевского, прикасаюсь к венскому стулу, смотрю в окно: тот же сад, та же летняя веранда. Каждый раз испытываю странное чувство: ощущение их присутствия в этом дорогом сердцу пространстве.

Когда впервые попала в Касимов, то Дом доктора Кауфмана, в котором провел лето у дяди Пастернак в 1920 году, нашла довольно легко, в нем теплилась жизнь, застекленные рамы на втором этаже раскачивались, появилась надежда, что здесь когда-нибудь можно будет не только благоустроить пространство для просвещения, но и для спасения, поэтому